

УДК 82

**ОРИЕНТАЛИЗМ И РУССКАЯ ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ
В РОМАНЕ А. ИЛИЧЕВСКОГО «ПЕРС»**

© 2015 г.

О.С. Сухих

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

ruslitxx@list.ru

Поступила в редакцию 05.02.2015

Рассматривается философская проблематика романа А. Иличевского «Перс». Анализируется соотношение формы и содержания взглядов главного героя романа, его точка зрения на цель и смысл религиозных учений, идея «модернизации» религии. В ходе сравнительно-типологического анализа аргументируется существенное сходство мировоззрения героя романа «Перс» и персонажей произведений Ф.М. Достоевского. Анализируется художественное переосмысление А. Иличевским «Философии общего дела» Н.Ф. Фёдорова, воплощение в романе идеи научного воскрешения человека. Рассматривается реализация этой концепции как на уровне философских взглядов героя, так и на уровне сюжета. Делается вывод, что по форме духовные практики героя романа А. Иличевского имеют ориентальный характер, тогда как по содержанию они связаны с русской философской мыслью, с наследием Ф.М. Достоевского и Н.Ф. Фёдорова.

Ключевые слова: А. Иличевский, Ф.М. Достоевский, великий инквизитор, религия, Н. Фёдоров, «Философия общего дела».

По утверждению А. Иличевского, «"Перс" — книга о месте» [1] — о полуострове Апшерон, который для автора является «перекрёстком» культур, цивилизаций, религиозных течений и уникальным природным комплексом. На этом основании роман «Перс» можно отнести к геопоэтике. С другой стороны, можно сказать, что это особая философия времени и пространства — роман о месте, «поглощающем время», по авторским же словам [1]. Кроме того, можно увидеть в нём ориенталистику, а можно — художественное преломление идей русской философии. Оба эти аспекта проблематики произведения связаны с образом Перса — Хашема Сагиди, который — в центре внимания автора, наряду с «местом» — Апшероном. В одном из интервью с автором романа Д. Бавильский задал ему вопрос: «Почему роман называется именно «Перс», ведь Хашем не является главным персонажем книги?» — ответ писатель начал такими словами: «Ну, раз, по-вашему, Хашем не главный герой...» [1]. А. Иличевский подчёркнул далее, что в этом романе главным героем можно считать любого, кто попадает в фокус внимания. Тем не менее все основные идейные и сюжетные «узлы» произведения завязываются именно вокруг Хашема Сагиди, хотя основное развитие связанных с ним событий мы видим ближе к последней трети произведения, а сначала Перс появляется эпизодически и по большей части в

ретроспекции — в воспоминаниях героя-рассказчика Ильи Дубнова о детстве.

А. Иличевский в своём произведении стремится дать художественный «сплав» различных культурных традиций, и это помогают ему создать два «стержневых» образа романа — Велимир Хлебников и Хашем Сагиди. «Хлебников, которого и в самом деле звали «урус дервишем» во время его азиатских походов, становится для Иличевского знаковым образом единения русской традиции с восточной» [2]. Искренний почитатель и последователь поэта-футуриста Хашем Сагиди, который становится почти реинкарнацией Хлебникова, тоже сочетает в себе русское и персидское начала в плане философских идей. Этот герой, выходец из Ирана, оказывается в СССР, в Азербайджане в 70-е годы, в возрасте 8–9 лет и поначалу даже не может как следует изъясняться по-русски, но он быстро овладевает языком, общается с русской семьёй, читает русскую литературу. Не случайно Илья впоследствии говорит ему: *Почему ты не уедешь в Россию? Ты думаешь на русском. Ты мечтаешь на русском. Ты ненавидишь на русском языке. Почему?* [3]. Тот отвечает, что хотел уехать, но не смог бросить Ширванский заповедник, где работает смотрителем и руководит отрядом егерей — «Апшеронским полком имени Велимира Хлебникова». Т.е. в принципе он не отрицает своей близости к русскому менталитету, но место своё видит именно в Шир-

ване, где может делать дорогое ему дело. Если по национальности, по темпераменту, по «дервишескому» поведению Хашем Сагиди – человек Востока, то по мировоззрению он достаточно далеко уходит от восточной мысли в сторону концепций Н.Ф. Фёдорова и Ф.М. Достоевского. И по своему стремлению даже в повседневности решать мировые вопросы и искать путь к счастью всего человечества, даже по некоторым конкретным идеям (о чём – ниже) он такой же «русский мальчик», как Иван Карамазов у Достоевского. Мировоззренческая концепция и утопическая идея героя романа А. Иличевского берут начало именно в русской философии, несмотря на то что он позиционирует себя как суфий, хуруфит. Многие в романе говорят о том, что эти учения, по сути дела, становятся для героя формой, в которую он вкладывает новое содержание.

Суфизм – мистическое течение исламской философии, в основе его лежит пантеистический взгляд на мир, идея божественного начала во всём сущем. «Бог-первопричина мироздания, «абсолютный дух»; мир – эманация этого духа. Человек может найти себя в слиянии с богом, а для этого необходимо полное духовное усовершенствование» [4]. Суфизм, таким образом, выдвигает идею обретения истинной духовной сущности через «растворение» человека в Боге, «пробывание» его в Боге. Течение суфизма широко распространилось в период монгольских завоеваний [5]; в романе А. Иличевского говорится о том, что и в XXI веке это течение сохранило авторитет, что помогало герою укрепить свои позиции, несмотря на недовольство мусульман-сеидов, обвинявших его в ереси. Существует точка зрения, что «мнение о «еретическом» характере суфизма» является ошибочным [6, с. 37.] и рассматривать суфизм, как исламский мистицизм, можно только **в рамках самого ислама** [7]. Однако согласно многим источникам суфизм всё же выходит **за рамки традиционных канонов** ислама: «суфизм в известной степени выступал против ортодоксальных догм ислама» [4]; некоторые моменты тасаввуфа (суфизма) «вступают в противоречие с положениями ортодоксального Ислама» [8].

Хуруфизм – одна из ветвей суфизма, основоположником этого мистического течения считается философ Файзуллах Наими. «Название «хуруфизм» происходит от слова хуруф (буквы): хуруфиты считали, что буквы арабского алфавита священны и заключают в себе тайну мира... Человек, познавший буквы Корана и овладевающий божественной мудростью, заключенной в природе, возвышается до божес-

ства, сам становится богом. Отсюда формула «Бог — это я!», которую горячо пропагандировали хуруфиты» [4]. Для хуруфитов «имена вещей не только существуют ранее самих вещей, но и суть сами вещи» [9].

Увлечение героя романа А. Иличевского лингвистическими поисками, его отношение к **слову, к поэзии**, с одной стороны, сближает его с хуруфитами. Но, с другой стороны, Хашем Сагиди, как отмечает рассказчик, видит первооснову языка в пении птиц, то есть связывает язык прежде всего **со звуком**, а не с буквой. Есть и другие моменты, отличающие его взгляды от указанных выше учений.

Если суфизм и хуруфизм имеют характер **мистических** учений, а их духовные практики **иррациональны**, то мировоззренческая позиция Перса в романе А. Иличевского, наоборот, **максимально рациональна**. Он мечтает, чтобы социум стал *миром ума*, он убеждён, что *царство Божье на земле будет достигнуто развитием мысли*, что необходимо религию *обогащать достижениями науки, искусства, медицины, технологии, мысли человеческой*. *Наука сейчас говорит человеку о Боге больше, чем любой проповедник...* [3]. Говоря о приходе нового Мессии, Хашем Сагиди выражает уверенность, что это будет прежде всего умный человек, *ученый, с большой вероятностью биолог, человек, смотрящий в корень жизни* [3] (заметим, что сам Перс именно биолог и в нём рассказчик отмечает проявляющуюся с детства «энергию ума»).

С точки зрения суфизма «человек настолько погружается в Бога, что пропадает всякая разница между Творцом и сотворенным. При этом человек приобретает атрибуты Бога и становится Богом» [8]. Итак, **человек пребывает в Боге**. А Хашем Сагиди, наоборот, *искал Бога в человеке, хотя бы в устройстве его мышления* [3]. Это несколько напоминает горьковскую повесть «Исповедь», выражение в ней идеи богостроительства: Бог возникает из человеческих интенций, из воли, энергии, мысли людей.

Таким образом, можно не сомневаться в правомерности вывода, сделанного рассказчиком по поводу религиозных убеждений Хашема Сагиди: *...суфий из него был произвольный: он бы не выдержал даже простейшей догматической экспертизы* [3]. Зная о большом влиянии Перса на окружающих, богословы-сеиды приходят к нему, чтобы понять, какова его истинная вера, а заканчивается это «приговором»: *Ты не веришь в Аллаха!* – и следует ответ: *Да, в такого примитивного Бога, в которого верите вы, я не верю. Ваша вера – хуже безверия*. В ре-

зультате оппоненты Перса делают вполне закономерный и исчерпывающий вывод: *Мы думали, ты обрезаешь ветки. А ты вырубаешь корень, – сказал другой аксакал и закрыл лицо руками. Хашем промолчал* [3].

В Азербайджане, где происходит действие романа А. Иличевского, суфизм, по утверждению рассказчика, пользуется большим влиянием. Не случайно в произведении упоминается, что последователи традиционного ислама хотя и считают Хашема Сагиди еретиком, но не решаются с ним бороться, поскольку суфизм становится для него своеобразным щитом. Возможно, именно поэтому это религиозное течение герой использует в качестве **«официально» декларируемых** убеждений: ему нужно такое учение, которое может повести за собой людей, ведь он собирается **добиться власти над человечеством и изменить его жизнь** – ни больше ни меньше. Пока же он осуществляет своё намерение в малом масштабе – в рамках организованного им «Апшеронского полка», где он имеет высочайший авторитет и полную власть. Герой создаёт микромодель общества, которое полностью управляемо, и контролирует буквально все сферы жизни этого маленького социума. Это даёт основание сопоставить Хашема Сагиди с героями Достоевского: в какой-то степени с Верховенским-младшим и Шигалёвым, но в большей мере – с великим инквизитором. Конечно, Персу не свойственны мошеннические склонности Верховенского, цинизм Шигалёва, безжалостность великого инквизитора, но все они **ищут путь к власти над человечеством** – в этом параллель с героем романа А. Иличевского. Если Шигалёв – это теоретик нового общества, то Верховенский – практик, и в этом предшественник великого инквизитора. Оба они не могут не задумываться над тем, как убедить людей, повести их за собой (великий инквизитор находит очень ёмкую формулировку: *овладеть их совестью*). Для Верховенского «инструментами» влияния на людей должны стать идея равенства и харизматичность предполагаемого вождя, «Ивана-царевича» – Ставрогина. У великого инквизитора другой масштаб. Он становится непререкаемым авторитетом для своих подданных, поскольку *манит их наградой небесною и вечною*, убеждает всех, что действует во имя Христа, хотя на самом деле он не верит в вечную жизнь, а государство основывает на антихристианских принципах, так как они кажутся ему реальным путём к достижению счастья обычных, слабых людей. *Твой инквизитор просто в Бога не верует, вот и весь его секрет*, – говорит Ивану Карамазову Алёша. Но

герой «поэмы» не выступает против самой по себе веры, против христианской обрядности и религиозной фразеологии, так как видит в этом наилучший способ управления людьми, поскольку он привычен, соответствует мировоззрению массы.

Что касается героя романа А. Иличевского, для него такой способ «овладеть совестью» людей – суфизм. Это та форма подачи идей, которая понятна для окружающих, привычна для массы. В действительности же недалеко от истины были исламисты, считавшие Хашема Сагиди еретиком. Его основная мысль состоит в том, чтобы **изменить религию**, «модернизировать» её, переориентировать на заботу о человеке, отказаться от догматизма. Способ он предлагает следующий: *Необходимо пересмотреть все, что замечательного происходило в истории, – коммунизм, социализм, сионизм, извлечь из каждого общественного или религиозного движения частицы святости, очистить их и вернуть в лоно той или иной религии. Каждой религии есть что позаимствовать у других религий, у искусства, философии, науки, даже у язычества, – должен произойти своеобразный обмен мыслей, должен включиться некий метаболизм сознания, необходимый для преобразования той религии, к которой это сознание питает склонность, – думал вслух Хашем. – Любой фундаментализм, то есть консервативная система взглядов, отсекающая достижения в развитии, – губительна* [3]. Своеобразную **модернизацию религии** показывает и Достоевский в «Легенде о великом инквизиторе»: его герой переориентирует религию на благополучное «устроение» земной жизни обычных людей, высказывая Пленнику упрёк в том, что он не жалеет слабого человека, слишком многого требуя от него. Этому вполне соответствует и убеждение Хашема Сагиди, который считает, что существующие религии не уважают человека, не заботятся о нём. Причём как у Достоевского, так и у Иличевского герои в своём отрицании прежней религии **опираются на разум**, на рациональное знание о мире и человеческой природе, на «логарифмы» логики, выведенные практически с научной точностью. Перс даже о таком понятии, как Рай, рассуждает как о рациональной «конструкции»: *Я хочу найти рай, – говорит Хашем. – Я хочу определить его составляющие, я хочу понять, в чем суть праведности и наслажденья* [3]. Он полагает, что Истина соотносится с неким географическим центром: *... есть точка на планете – центр, в котором сходятся все ее, истины, видимые и невидимые реки. У истины должен быть геогра-*

фический – как, впрочем, и любого рода – атрибут [3]. Это Святая Земля, но, с точки зрения Хашема Сагиди, не только: *Взгляните на хорошую, ясную карту, и вам станет очевидно. Дельта Нила совпадет с дельтой Волги, а Святая земля с Ширваном, если юг и восток отразить зеркальным поворотом в север и запад* [3]. Поэтому именно в Ширване он собирается сформировать новую веру, «модернизовав» элементы прежних и дав человечеству новую цель.

В принципе, оба героя по сути своего мировоззрения атеисты: великий инквизитор, считающий, что нет вечной жизни (люди за гробом *обряцут лишь смерть*), и Хашем Сагиди, который *испытал про себя все религии на пробу... Однако теперь он не рассуждал, к какой метафизической «розетке» плодотворней, безопасней и честнее подключиться, а критиковал религию вообще, все религии* [3]. Однако оба героя, с другой стороны, убеждены, что вообще человек нуждается в Боге, поскольку всегда ищет, *кому вручить совесть* [10, т. 14, с. 234], и поскольку *только Бог человеку брат. А без Бога он всегда один* [3].

Великий инквизитор на основании своих убеждений выстраивает жизнь целого социума, причём ему неизбежно приходится использовать **манипуляцию сознанием** людей и **прямое насилие** над «еретиками». Его литературный последователь Хашем Сагиди пока только опробует свою теорию и свою власть на небольшом и преданном ему микросоциуме – отряде подчинённых ему егерей Ширванского заповедника («Апшеронский полк»). Этот герой не поставлен автором в такие условия, чтобы ему приходилось использовать насильственные методы: егеря заповедника и вообще местные жители вполне по доброй воле и совершенно искренне его почитают, можно сказать, верят в него. *Все почитают. Он природу, науку знает, он поэт, он Бог* [3], – говорит один из подчинённых Перса. До того этапа деятельности, когда приходится подавлять в себе жалость и осуществлять принцип «цель оправдывает средства», в произведении А. Иличевского дело не доходит. Рискнём предположить, что в финале романа герой решает объявить себя Мессией не в последнюю очередь с той целью, чтобы и в дальнейшем исключить ситуации, в которых понадобилось бы использовать насильственные методы. Вообще, нужно сказать, что Хашем Сагиди – противник насилия: он, например, под видом блогера Воблина ведёт целую кампанию в защиту женщины в исламском мире; он презирает знакомого поэта, готового участвовать в

войне против «неверных»; он помогает другу Ильи – американцу Керри Нортрапу – скрываться от мести исламистов. Даже стремление Хашема Сагиди модернизировать существующие религии мотивируется тем, что в них он видит деспотизм, диктат по отношению к человеку. С идеологией «ненасилия» связано и его отношение к вождю мирового терроризма, выступающему в романе под именем Принц. Герой ассоциирует его с Нечаевым, причём к такому выводу приводит его роман Ф.М. Достоевского «Бесы»; одна из идей Хашема заключается в том, чтобы выманить Принца на соколиную охоту и «сдать» американским властям. В финале произведения он пытается это осуществить – вероятно, из-за этого его и обрекают на смерть.

Вероятно, неприятие насилия в значительной степени объясняется историей семьи героя: его отец и брат погибли во время исламской революции в Иране, мать же сошла с ума от пережитого ужаса.

Таким образом, прямое насилие – это не метод Хашема Сагиди, во всяком случае, на момент действия романа. Правда, элемент **манипуляции сознанием** людей в его деятельности уже есть. Для «Апшеронского полка» он просветитель, и он сознательно выбирает, чему полезно будет учиться этим людям, а чему нет; он формирует их сознание. Например, он обучает их русскому языку по произведениям Велимира Хлебникова (согласимся, что это, мягко говоря, не совсем нормированный русский язык), потому что хочет, чтобы они понимали тонкость поэзии, игру звуками и словами, но при этом не могли бы читать российские газеты, которые способны внести смятение в умы.

Итак, герой романа «Перс» создал микромодель управляемого социума и, используя суфизм и дервишеские обряды, стал для людей духовным лидером, а впоследствии собирается объявить себя Всевышним.

Какова же та идея, ради которой всё это предпринимается, **идея, которая создаст «мир ума» и соединит веру в Бога с уважением к человеку** и заботой о нём, с точки зрения героя романа А. Иличевского? Считая, что религия нуждается в модернизации, Перс говорит о том, что новый Мессия будет умным и образованным, он *возглавит мировой институт, который финальной своей функцией поставил бы задачу воскрешения мертвых»; «воскрешение мертвых должно стать ... подлинным венцом Творения* [3]. Как видим, если великий инквизитор у Достоевского за формой, обрядностью традиционного христианства скрывает свою

приверженность *советам могучего и умного духа*, то Хашем Сагиди **форму привычного для людей религиозного учения хочет наполнить идеями Николая Фёдорова**, воспринятыми им, вероятно, через творчество В. Хлебникова, которым он горячо увлекался всю жизнь – Хлебников, в свою очередь, испытывал серьёзное влияние фёдоровской концепции [11; 12]. «По существу, Фёдоров стремился к свершению глобальной онтологической революции. Этого же хотел и Велимир Хлебников, поэт-футурист и мыслитель-утопист» [12]. Герой А. Иличевского тоже своего рода утопист, мечтающий об онтологической революции, о спасении общества с помощью модернизированной религии, которая даст человечеству новую, возвышенную цель – **бессмертие**. Он убеждён: *людям нужно знать, что они не умрут, чтобы не плакать по ночам; нет страсти сильнее, чем желание вечной жизни* [3].

Н.Ф. Фёдоров считал, что даже самой по себе победы над смертью ещё недостаточно: нужно, чтобы вечная жизнь была дарована всем, в том числе тем, кто не дожил до торжества бессмертия, – нужно вернуть их в мир, воскресить. Эта идея занимала умы многих писателей XX века, и пожалуй, в наибольшей степени А. Платонова. Его герои приходят к этому трагическим путём потерь и страданий, переживая смерти родных и близких людей; эти персонажи с наивным сознанием не могут чётко выразить свои идеи, у них искажённая, неправильная речь, которая воплощает в себе пробуждающуюся мысль, с трудом облекаемую в слова [13], и всё же в их рассуждениях можно «узнать» фёдоровские мысли. У А. Иличевского герой, напротив, интеллектуального склада, и к фёдоровским идеям он приходит – во всяком случае, первоначально – через литературу: ещё в детстве, играя в самодеятельном театре в пьесе о Хлебникове, он увлёкся его творчеством, в котором отразились различные аспекты «Философии общего дела» Н.Ф. Фёдорова. Руководитель театра Штейн рассказывал мальчишкам-актёрам о том, как однажды Хлебников хотел найти и воскресить убитого персидского «пророка революции» Мирзу Кучик-Хана. Тот же Штейн оставил Хашему Сагиди, своему ученику, архив одного из революционеров, в котором было много сведений о Хлебникове, о его пребывании в Персии и записи самого поэта, в одной из которых говорится: *Мы стоим у порога мира, когда будем знать день и час, когда мы родимся вновь, смотреть на смерть как на временное купание в волнах небытия* [3].

Фёдоровская идея воскрешения умерших преломляется в сознании Перса по-своему. Русский философ выдвигал идею «человеческого музея» – сохранения мельчайших частиц, имевших когда-то отношение к определённому человеку, чтобы впоследствии, благодаря достижениям науки, по такой частице воссоздать его. Мысль Хашема Сагиди несколько иная: *Воскресить всех, независимо от того, что произошло с телами: куда делись кости и где их искать. Потому как воскрешение основывалось бы на расшифровке всей генетической библиотеки ныне живущих, каждый бы своим ДНК давал информацию о предках* [3]. С этой мыслью смыкается стремление его друга Ильи Дубнова найти колонию микроорганизмов, которые стали первоначалом жизни во Вселенной, расшифровать код генома, понять главный закон возникновения и развития жизни.

Н. Фёдоров высказывал предположение, что благодаря постоянной эволюции и достижениям науки человек постепенно сможет не только победить смерть, но и кардинально изменить собственную физическую природу, научиться летать как птицы, плавать как рыбы. Эта мысль философа тоже художественно переосмыслена А. Иличевским в образе Хашема Сагиди. Этот герой с детства вынужден был преодолевать врождённую болезнь, постоянно совершенствовать собственное тело, что приводило к ощущению неограниченных возможностей. В результате, по утверждению рассказчика, он стал очень сильным и по-особому красивым – как мощное и совершенное животное. Не случайно и его пристрастие к птицам: стремление понять их язык и установить его связь с человеческим, попытки вывести формулу птичьего пера, любовь к полётам на кайте. Почитатели Хашема называют своего учителя Гушмуллоу – Священником (или Повелителем) птиц. Символическим представляется и такая деталь: когда в финале романа Илья находит его умирающим, то видит, что его тело осыпано птичьими перьями (вероятно, это была злая ирония убийцы, но тем не менее эта деталь трансформирует натуралистическую сцену в трагически-возвышенную, даже с поэтической нотой). Вообще, Хашем Сагиди воспринимается как «естественный человек», слитый с природой, неотделимый от своего Ширванского заповедника. В повествовании об этом герое дважды возникает ассоциация с Маугли (в первый раз его так называет одна из знакомых, во второй же раз он сам так именуется себя), несмотря на всю начитанность Перса европейской литературой, работу (в прошлом) учителем английского языка, переводче-

скую деятельность и кандидатскую диссертацию по биологии. Р. Киплинг в образе Маугли выразил мысль не только о единении человека и природы, ученичества человека у неё, но и о возможности власти человека над ней. И в романе А. Иличевского тоже есть такой содержательный аспект: его герой является смотрителем заповедника, живущего фактически под его властью и благодаря его воле и знаниям. Ему, например, удаётся почти невероятное – развести практически уничтоженный редкий подвид дрофы. У Н. Фёдорова была мысль о том, что человек может изменить жизнь природы (освободить её от вековечного закона взаимопожирания) и внести в неё начало разума и гармонии – в этом, пожалуй, герой Иличевского ближе к автору «Философии общего дела», чем к киплингскому персонажу, с которым себя ассоциирует.

Н. Фёдоров полагал, что человек и сам должен будет с развитием науки отказаться от питания за счёт убийства других живых существ, начать жить благодаря преобразованию энергии солнца, минералов. Эта мысль тоже нашла своё художественное воплощение в романе «Перс», хотя и не прямое, весьма своеобразное. Когда герой собрался ради будущего царства разума и полной духовной власти над людьми объявить себя Всевышним, он решил, что должен преодолеть свою человеческую природу, зависимость от телесных потребностей. В результате Хашем перестал есть, и его другу Илье пришлось кормить его насильно: невозможно победить несовершенство человеческой природы одной лишь волей, сколь бы она ни была сильна. Н. Фёдоров, например, предполагал, что только с помощью долгого и последовательного развития науки, в том числе медицины, можно будет подойти вплотную к осуществлению мечты «о достижении человеком богоподобной власти в преображенном мироздании» [14, с. 17], а кроме того, здесь нужны общие усилия всего человечества: «Объединить всех учёных и неучёных в деле изучения и управления слепую силу» [15, с. 58].

Итак, **целью** нового Мессии должна стать **борьба со смертью, а затем научное воскрешение мёртвых**. Эта цель, как и хотел того Н. Фёдоров, сможет объединить людей и придать новый смысл их жизни. Чтобы привести человечество к этому «общему делу», Хашему Сагиди действительно потребуется **власть** над миром. Одним из способов достижения цели он считает «формулу времени», открытую и зашифрованную в стихах В. Хлебниковым, поэтому так упорно работает с его наследием и в

конечном итоге расшифровывает эту формулу: *Тайна эта очень важная, потому что может переменить мир...* [3], ведь власть над временем позволит предсказывать события и менять ход истории. Другой способ – повлиять на людей с помощью религиозных чувств – для этого и нужен суфизм, с его авторитетом. Суфии безоговорочно подчиняются учителю, и в «Апшеронском полку» такой учитель (меалим) – это Хашем Сагиди, а в дальнейшем из учителя он должен превратиться в Бога, которому абсолютно невозможно будет возражать.

Идея научного воскрешения человека, которую так последовательно отстаивал Н. Фёдоров, реализована не только в размышлениях героя романа А.В. Иличевского, но и в сюжете. В финале произведения, как уже говорилось, Хашем Сагиди становится жертвой убийцы, и его друг, герой-рассказчик, находит его умирающим. Тогда Илья, которому удалось-таки найти в одной из взятых на Каспии проб «первоначало жизни», даёт несколько капель этой жидкости умирающему: *По сию пору не знаю, зачем я это сделал. Но нужно было что-то делать...* [3]. Очнувшись после глубокого обморока, вызванного пережитым, он не находит тела своего друга. А вернувшись в Ширван через четыре года, обнаруживает странные, необъяснимые логически факты. Кто-то насадил в степи поле тюльпанов, которые они с Хашемом любили выращивать в детстве. Кто-то унёс из сарая архив, который интересовал только Хашема, и кайт, на котором всегда летал лишь Хашем. Кто-то возродил «Апшеронский полк», хотя все прежние егеря уехали из этих мест, когда уверились в смерти своего пророка: *Я был поражен, ведь никто не мог передать людям память о великом пророке* [3]. Рассказчик видит, как двенадцать человек (число, вероятно, не случайное) поклоняются тому, кто летит на кайте, как будто спускается с неба.

Критик А. Латынина [16], рассматривая эту сцену, полагает, что всё объясняется вполне материалистически: появились новые адепты «культа Хашема» (правда, рассказчик прямо говорит, что в Ширване не осталось людей, которые могли бы передать знания этим новым адептам). Однако в связи с темой «первоначала жизни» и с фёдоровской идеей воскрешения человека мы предполагаем, что в финале романа заложен другой смысл: Хашем Сагиди жив – перед нами **прямая сюжетная реализация идеи преодоления смерти**, причём именно с помощью достижений науки, как и ожидал Н.Ф. Фёдоров.

Подведём итог. Идеология и духовная практика главного героя романа «Перс», на наш взгляд, представляют собой сложный синтез философских учений: **суть** концепции определяется идеями Н.Ф. Фёдорова, **способ** достижения цели отсылает к «Легенде о великом инквизиторе» Ф.М. Достоевского, а **форма** подачи идей, обеспечивающая их путь к сознанию адептов новой веры, имеет характер ориентальный, связанный с суфизмом. В этом синтезе идей автор и герой романа не избегают противоречий, оставляют открытыми многие вопросы, и финал текста производит впечатления многоточия, поставленного вместо окончательного итога. Хашем Сагиди однажды сказал герою, спросившему его о Боге: *Ваш вопрос останется без ответа*. Эти слова автор вполне мог бы сделать эпиграфом к произведению, обратив их к читателю, ожидающему логического и однозначного решения проблем.

Список литературы

1. Иличевский А. «Быть персом — функция становления...» [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.chaskor.ru/article/aleksandr_ilichevskij_byt_persom_-_funktsiya_stanovleniya_19045 (дата обращения - 30.10.2014).
2. Томилова Н.А. Мотив дервишества в русской литературе (на материале творчества Сухбата Афлатуни, Тимура Зульфикарова, Александра Иличевского) Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://old.philol.msu.ru/~ref/2014/2014_Tomilovana_dissertatsiya_501.001.32.pdf (дата обращения - 11.11.2014).
3. Иличевский А.В. Перс. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://libs.net/index.php?id=44820> (дата обращения - 6.11.2014).
4. Азербайджанская литература XIII-XVI веков // Архив электронного журнала «Суфий». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://oldsufiwebzine.wordpress.com/tag/%D1%85%D1%83%D1%80%D1%83%D1%84%D0%B8%D0%B7%D0%BC/> (дата обращения – 11.11.2014).
5. Ислам // История религий. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.azerbaijan.az/_GeneralInfo/_TraditionReligion/traditionReligion_01_r.html (дата обращения – 11.11.2014).
2. Насыров И.Р. К вопросу о сущности исламского мистицизма (суфизма) // Религиоведение. 2007. № 4. С. 37–43.
3. Хисматулин А.А. Духовные истоки суфизма // Хисматулин А.А. Суфизм. СПб.: «Азбука-классика»; «Петербургское востоковедение», 2008. 192 с.
4. Айдын Ариф оглы Али-заде. Философия, история и терминология суфизма // Архив электронного журнала «Суфий». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://oldsufiwebzine.wordpress.com/2005/05/04/term/#more-1018> (дата обращения – 11.11.2014).
5. Хуруфизм // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия. 1983. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/4957/%D0%A5%D0%A3%D0%A0%D0%A3%D0%A4%D0%98%D0%97%D0%9C (дата обращения – 14.11.2014)
6. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 30 тт. Т.14-15. Л.: Наука, 1976.
7. Петухов П. Революционный консерватизм Николая Фёдорова. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://novsoc.ru/revolyutsionnyiy-konservativizm-nikolaya-fedorova/> (дата обращения - 8.11.2014).
8. Хайруллин К. Тема бессмертия в творчестве Велимира Хлебникова и Николая Заболоцкого. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/zin/2014/4/12h.html> (дата обращения - 8.11.2014).
9. Шубин Л. Поиски смысла отдельного и общего существования: Об Андрее Платонове. Работы разных лет. М.: Советский писатель, 1987. 368 с.
10. Семёнова С.Г. Н.Ф. Фёдоров и его философское наследие // Фёдоров Н.Ф. Философия общего дела. М.: Мысль, 1982. 712 с. С. 5-53.
11. Фёдоров Н.Ф. Философия общего дела. М.: Мысль, 1982. 712 с.
12. Латынина А. Судьба пророка в XXI веке. О романе А. Иличевского «Перс» [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2010/10/la13.html (дата обращения – 30.10.2014).

**ORIENTALISM AND RUSSIAN PHILOSOPHICAL THOUGHT
IN A. ILYCHEVSKY'S NOVEL «THE PERSIAN»**

O.S. Sukhikh

The article observes the philosophical themes of A. Ilychevsky's novel «The Persian». The author explores the views of the main character, his approach to the meaning of the religious doctrines, and the idea of religion's «modernization». Upon conducting a comparative typological analysis, the author reveals significant similarities in the worldview of the main character of «The Persian» and the worldview of F.M. Dostoevsky's characters. The article analyses how A. Ilychevsky creatively transforms N.F. Fedorov's «The Philosophy of the common deed», the idea of a human's resurrection through science. The author of the article explains how this concept is revealed on different levels – from the characters' views up to the plot level. The author concludes that on a superficial level the character's views appear to be oriental, while on a deeper level they are linked to the Russian philosophical thought and F.M. Dostoevsky's and N.F. Fedorov's heritage.

Keywords: A. Ilychevsky, F.M. Dostoevsky, the Great Inquisitor, religion, N. Fedorov, “The Phi-losophy of the common deed”.

References

1. Ilichevskiy A. «Byt' persom — funktsiya stanovleniya...» [Elektronnyy resurs] – Rezhim dostupa: http://www.chaskor.ru/article/aleksandr_ilychevskiy_byt_persom_-_funktsiya_stanovleniya_19045 (data obrashcheniya – 30.10.2014).
2. Tomilova N.A. Motiv dervishstva v rus-skoy literature (na materiale tvorchestva Sukhbata Aflatuni, Timura Zul'fikarova, Aleksandra Ilichevskogo) Dissertatsiya na soiskanie uchenoy stepeni kandidata filologicheskikh nauk. [Elektronnyy resurs] – Rezhim dostupa: http://old.philol.msu.ru/~ref/2014/2014_TomilovaNA_dissertatsiya_501.001.32.pdf (data obrashcheniya – 11.11.2014).
3. Ilichevskiy A.V. Pers. [Elektronnyy resurs] – Rezhim dostupa: <http://libs.net/index.php?id=44820> (data obrashcheniya – 6.11.2014).
4. Azerbaydzhanskaya literatura XIII–XVI vekov // Arkhiv elektronnoy zhurnala «Sufiy». [Elektronnyy resurs] – Rezhim dostupa: <http://oldsufiwebzine.wordpress.com/tag/%D1%85%D1%83%D1%80%D1%83%D1%84%D0%B8%D0%B7%D0%BC/> (data obrashcheniya – 11.11.2014).
5. Islam // Istoriya religiy. [Elektronnyy resurs] – Rezhim dostupa: http://www.azerbaijan.az/_GeneralInfo/_TraditionReligion/traditionReligion_01_r.html (data obrashcheniya – 11.11.2014).
6. Nasyrov I.R. K voprosu o sushchnosti islamskogo mistitsizma (sufizma) // Religiovedenie. 2007. № 4. S. 37–43.
7. Khismatulin A.A. Dukhovnye istoki sufizma // Khismatulin A.A. Sufizm. SPb.: «Azbukaklassika»; «Peterburgskoe vostokovedenie», 2008. 192 s.
8. Aydyn Arif ogly Ali-zade. Filosofiya, istoriya i terminologiya sufizma // Arkhiv elektronnoy zhurnala «Sufiy». [Elektronnyy resurs] – Rezhim dostupa: <http://oldsufiwebzine.wordpress.com/2005/05/04/term/#more-1018> (data obrashcheniya – 11.11.2014).
9. Khurufizm // Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'. M.: Sovetskaya entsiklopediya. 1983. [Elektronnyy resurs] – Rezhim dostupa: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/4957/%D0%A5%D0%A3%D0%A0%D0%A3%D0%A4%D0%98%D0%97%D0%9C (data obrashcheniya – 14.11.2014).
10. Dostoevskiy F.M. Brat'ya Karamazovy // Dostoevskiy F.M. Sobr. soch.: v 30 tt. T.14-15. L.: Nauka, 1976.
11. Petukhov P. Revolyutsionny konservatizm Nikolaya Fyedorova. [Elektronnyy resurs] – Rezhim dostupa: <http://novsoc.ru/revolyutsionnyy-konservatizm-nikolaya-fyedorova/> (data obrashcheniya – 8.11.2014).
12. Khayrullin K. Tema bessmertiya v tvorchestve Velimira Khlebnikova i Nikolaya Zabolotskogo. [Elektronnyy resurs] – Rezhim dostupa: <http://magazines.russ.ru/zin/2014/4/12h.html> (data obrashcheniya – 8.11.2014).
13. Shubin L. Poiski smysla otdel'nogo i obshchego sushchestvovaniya: Ob Andree Platonove. Raboty raznykh let. M.: Sovetskiy pisatel', 1987. 368 s.
14. Semyenova S.G. N.F. Fyedorov i ego filosofskoe nasledie // Fyedorov N.F. Filosofiya obshchego dela. M.: Mysl', 1982. 712 s. S. 5-53.
15. Fyedorov N.F. Filosofiya obshchego dela. M.: Mysl', 1982. 712 s.
16. Latynina A. Sud'ba proroka v XXI veke. O romane A. Ilichevskogo «Pers» [Elektronnyy resurs] – Rezhim dostupa: http://magazines.russ.ru/novy_i_mi/2010/10/la13.html (data obrashcheniya – 30.10.2014).